

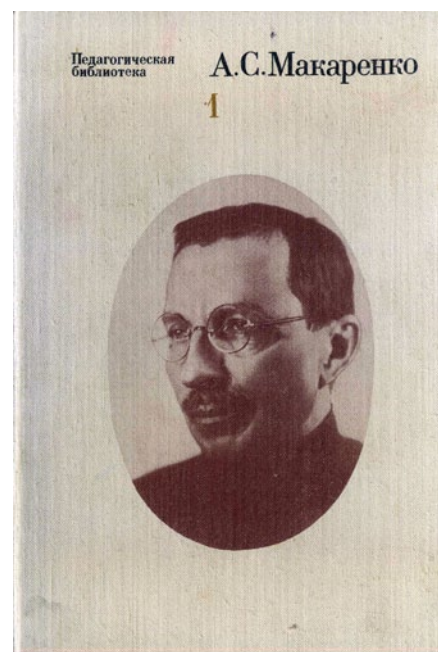
*Татьяна Кораблёва,
президент Российской макаренковской ассоциации*

МАКАРЕНКО ИНТЕРЕСЕН МИРУ

Прежде, чем говорить о сути воспитательного метода Антона Семёновича Макаренко, попробуем понять, чем нам интересен этот великий педагог. Это тем более важно, что далеко не все сегодня знают его работы, его достижения. В педагогических ВУЗах и колледжах наследие педагога и социального реформатора «проходят» слишком бегло.

Не удивительно, что многие не знают, почему же Макаренко стал классиком мировой и отечественной педагогики. ЮНЕСКО в год 100-летия со дня рождения А.С. Макаренко (1988) приняло решение, касающееся всего четырёх педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке. Это Д. Дьюи, Г. Кершенштайнер, М. Монтессори, А. Макаренко. Вместе с утратой советской реальности Макаренко по существу был вытеснен в область истории педагогики, подвергнут поспешной и необоснованной критике. Усилиями педагогической общественности почти четверть века мы удерживаем в общественном сознании России на теоретическом и практическом уровне тему Макаренко, стремимся занимать деятельную позицию по самым острым вопросам современного образования.

Между тем интерес к Макаренко в мире заметен и сегодня. В то время как в нашей стране уровень интереса к нему всегда колебался – и причины тому коренились не в особенностях его смелого, революционного дара, а, скорее, в политике. В постсоветские годы Макаренко на Украине и запрещался, и серьёзно ограничивался. На Украине, где его идеи и его практика рождались и доказывали свою эффективность! Это кажется тем более нелепым, что Международная макаренковская ассоциация была учреждена на Украине, в Полтаве (1991). В последний год существования СССР ее учредил знаменитый ректор полтавского университета, крупнейший деятель образования, академик Иван Андреевич Зюжон. Сейчас приходит отрезвление – в самые трудные дни наших

взаимоотношений с Украиной в марте с.г. мне выслали из Киева материалы и фотографии с открытия Центра педагогического мастерства им. А.С. Макаренко.

Тексты его неоднократно подвергались купюрам в СССР. В постперестроечные годы убиралось слова «советский педагог». Может быть, отчасти это и справедливо – данная характеристика сужает масштаб личности. Макаренко – мировое явление!

Мне приятно сознавать, что Россия в прошлом году передала президентство в Международной макаренковской ассоциации, которую мне довелось возглавлять в течение многих лет (2002-2013) в Италию, в надежные руки Николы Сичилиани де Кумиса, профессора Первого римского университета La Sapienza. Этот университет в своё время закончила Мария Монтессори, а в 2009 году там издали «Педагогическую поэму».

Насколько Макаренко интересен миру? В Международную ассоциацию входили 14 стран – ГДР и ФРГ, Польша, Венгрия, Чехословакия, Франция, Китай. Исследования трудов Макаренко ведутся в Германии, Англии, США, Норвегии, Италии. Суммарный тираж его книг, изданных в десятке стран мира, составляет миллионы экземпляров. Каждая страна берет из его сокровищ то, что ей необходимо. Закрытые католические монастырские школы находят что-то свое, протестантские школы в Германии – своё. Китаю, вообще Востоку с его общинным укладом, очевидно, интересна идея коллективизма. Педагогов, исследователей завораживает потрясающий факт: через руки Макаренко прошли три тысячи беспризорников, и ни один из них потом не вернулся на криминальный путь. Такой «безрецидивности» не знает ни одно учреждение пенитенциарной системы.

Обычно учреждения пенитенциарной системы в благополучных странах работают с рецидивом в 7-9 %. В России и Украине рецидив может достигать 70-80%.

Макаренко очень не любил популярнейший в свое время фильм «Путевка в жизнь». Возмущался: режиссер, не зная, что делать со своим преданным революции героем в мирное время, решил его просто угрохать на строительстве железной дороги. А ты набе-

рись мужества, покажи, что с ним будет дальше! А может, режиссер не верил в светлое будущее своего героя? У Макаренко не было причин для пессимизма. Его воспитанники строили своё будущее сами, попробовав и поупражняв свои силы в здоровом коллективе.

Облик Макаренко скромнен – строгий френч, начищенные сапоги, идеально выбритое лицо в скучных очёчках. Много читает, играет на скрипке. Наверное, сегодня бы его назвали ботаником. А в глазах воспитанников это был исполин. Как он вырос в такую мощную фигуру? Высшего образования не имел – полтавский учительский институт такого диплома не давал. Была мечта: исторический факультет университета. Но жизнь не дала её осуществить. «Я до сорока лет даже женат не был, – говорил Макаренко, – жил одной жизнью с этими ребятами».

Что-то было в нём такое, что позволяло рецидивистов превращать в нормальных людей. Семена Калабалина Макаренко встретил в тюрьме. Тому грозил расстрел за участие в шайке грабителей. Макаренко поговорил с «разбойником»... Понял, что парня жизнь затолкала в безвыходную ситуацию. А было ему восемнадцать лет – это возраст, когда наступает уголовная ответственность. Макаренко сказал: «Ты Семён, и я Семён. Давай попробуем жить иначе». Удалось переделать в документе дату рождения, сделать Семёна моложе и тем самым избавить от высшей меры наказания. Калабалин вспоминал эту встречу всю жизнь: «Я никогда не забуду рукопожатия этого человека».

Рядом с этим человеком неизменно происходило чудо преображения. Колонию под Полтавой Макаренко принял в декабре 1920 года, в возрасте 32 лет. Это, вспоминал Макаренко, была авантюра, меня могли убить. В школе власть принадлежала шести здоровенным парням; в соседнем городе они промышляли воровством, «дома» отсыпались. Педколлектив в помощь Макаренко состоял из 3 – 4 учителей. Таковы были стартовые условия. Не в силах была поддержать и наука. За год Макаренко перечитал, как он говорил, всю педагогику, и ничего не смог взять из неё себе в помощь. Оставалось надеяться только на себя.

К 1924 году колония малолетних правонарушителей была уже благополучным детским учреждением, которому присвоили имя Максима Горького. В 1926 году колонию – так быстро распространилась ее слава в мире – посетило 38 иностранных делегаций, одну из них возглавил премьер-министр Франции. В колонию ехали со всех сторон. Однако в подлинность её воспитательных результатов не очень верили. Писали: «Это бывшие воры и проститутки? Нет. Настоящая русская потемкинская деревня».

Корней Чуковский вспоминал, как приехал в Ирпень, под Киевом в 1936 году. Ожидая встречи с Макаренко около его дома, Корней Иванович обратил внимание на симпатичных, подтянутых играющих молодых людей. «Я долго люблюсь играющими, – писал Чуковский. – «Чем-то

они напоминают мне оксфордских студентов. Я говорю об этом Антону Семёновичу.

– Правильно, – соглашается он, и в голосе его слышится украинский юмор. – Вон тот кучерявый – талантливейший вор-чемоданщик со станции Лозовая, под Харьковом. Уж на что знаменитые воры работали всегда на Лозовой, а он был самый среди них знаменитый. А тот, в белых брюках, – всего лишь карманник, но тоже очень высокого класса» (Чуковский К.И. Современники (портреты и этюды). М.: Молодая гвардия, 1967, с.478. http://makarenko-museum.ru/lib/About_ASM/Chukovsky_K_about_Makarenko.htm)

И за все время работы только одного, особо нелюбимого детьми колониста Ужикова, отчислил Макаренко по требованию ребят. Но и этот единственный успел пройти в колонии хорошую школу. Через годы, уже перед началом Второй мировой войны в Европе, к Макаренко в 1938 году пришло с Халхин-Гола письмо. Спасибо, писал его автор, за то, что вы заставили меня увидеть себя таким, каким я был. Я часто вспоминал, как ребята сказали: все, больше быть с ним вместе не хотим! Неужели я был настолько отвратителен? Теперь Макаренко писал уже совсем дру-

гой человек, сумевший себя изменить. И эта история, в конечном счёте, благополучна.

Макаренко высоко ценил умение педагога работать в коллективе, владение им педагогическим мастерством. Будущих педагогов следует учить умению сказать «Закрой дверь» двадцатью разными способами: нейтрально, строго, ласково, равнодушно. Если учитель работает только сердцем, то к 35 годам это человек с измочаленной нервной системой, глубокий пенсионер. Он должен уметь работать не сердцем, а с сердцем, быть технологичным, понимать движения коллектива, не гнаться за личным признанием и любовью детей.

Макаренко отказывается от парной педагогики «учитель – ученик». Воспитание происходит в коллективе, в детско-взрослой общности, сказали бы мы сегодня. В случае работы в здоровом коллективе педагог высвобожден для деликатной тонкой нюансировки взаимоотношений, особенностей характера ребят. Он знает свои задачи в рамках целого, не поставлен перед задачей изобретать формы и методы воспитательной работы «от Адама». Педагог, по Макаренко, – не сверхчеловек, к нему не надо предъявлять особых требований.

Все педагогические намерения и усилия воспитателя должны быть скрыты от воспитанника. Макаренко подчёркивал: воспитанник не должен чувствовать себя предметом воспитания. Педагог не должен быть нарочитым. Успех и авторитет педагога обеспечивает совместная жизнь с воспитанниками. Поэтому педагог такого учреждения особенно должен быть «осёдлым». А не почасовиком, бегающим из школы в школу, не успевающим установить даже контакта с детьми.

Важно уметь видеть общую задачу, которая не выдумана, а рождена жизнью. Вот, приводит Макаренко пример, заготовка дров. Понятная производственная задача. Но параллельно с ней имеется и воспитательная цель. Она достигается ненавязчиво, как бы сама собой. Но для этого коллектив должен иметь сложное строение, быть разновозрастным. Ради этого Макаренко действовал так, чтобы ребенок и подчинялся, и подчинялся, даже самый маленький. Например, на уборку сена лидер набирает себе команду, он из взрослого отряда. А завтра предстоит чистить трубу, и здесь организатором может выступить уже малыш. Я шел, признается Макаренко, на очень хитроумные системы взаимозависимости, чтобы не возникла каста лидеров. Это было весело, интересно. Нам было некогда воспитывать, не было планов воспитания. Общее построение, линейка, задачи на день, о которых дежурный докладывает не больше минуты – и именно сложная структура позволяла выполнять все задания. Кстати, рапорты дежурных командиров никогда не перепроверялись. Командир сказал – значит, так и было. Такой подход создает атмосферу доверия, взаимоуважения. Возникает тональность, присущая именно этому коллективу. Логику задает хозяйственно-производственная задача; второй

слой – воспитательный – распространяется через особую структуру коллектива, который подстраивается под любую тактику. При этом задача воспитателя – быть старшим товарищем, пошутить, приголубить, жить с детьми одной жизнью.

И если он ощущает ценность своего коллектива, – утверждал Макаренко, – то воспитательная работа – дело счастливое и посильное.

Органы образования проверяли учреждения Макаренко весьма тщательно. Напомню, в 1920 году никто не знал и не мог знать, как воспитать нового человека. «Мне поставили задачу сделать из ржавых консервных банок нового, советского человека, – говорил он, – «никто не дал ни методики, ни технологии. И мало, кто захотел за это взяться. А если я возьмусь, так они меня со света сживут. Что бы я ни сделал, они скажут: не так», – писал Макаренко в «Педагогической поэме». Здесь завязка будущей борьбы Антона Семёновича с чиновниками Наробраза и учёными педагогического Олимпа. Это «не так» сопровождало Макаренко все годы работы, порой «в порядке каторги», – делился он в письме А.М. Горькому.

Когда стало получаться, проверяющие особо усердно стали заявлять, что я всё делаю «не так!». Что не так? «Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства **наша колония** стоит, как крепость, оплот

добротности, крепости хозяйской, но всё же меня едят». То, что получилось это добротный помещичий уклад плюс кадетский корпус. Отсюда – военизированный порядок. Реальность, в которую не верили, раздражала и не давала покоя. Еще в 1928 году, когда на заседании академиков образования Макаренко заявил, что прививает детям понятие об офицерской чести, ему ясно указали: это – не советская категория! В 1928 году Педагогический Олимп Украины в лице НИИ социального воспитания вынес вердикт макаренковской педагогике: «Это не советское воспитание».

Надо сказать – среди «проверяльщиков» нашлось и исключение. Приехала искать недочёты молодая женщина, Галина Стахивна Салько. Походив по ревизуемому объекту, честно заявила: «А мне у вас нравится». Позже она стала женой Макаренко. Недолго он прожил в семье – умер в пятьдесят один год.

Был в его жизни и донос: Макаренко – контра! Все было готово для ареста в Киеве. По линии Союза писателей его пригласили в Москву и тем самым спасли. А через некоторое время автор «Педагогической поэмы» был награждён орденом Трудового Красного знамени. Арестовать награждённого писателя не решились. Однако постоянные нападки тяжело отражались на сердце. У Макаренко случилось несколько обмороков. 1 апреля 1939 года он умер, входя в электричку, на станции Голицыно под Москвой. Известность при жизни Макаренко была у него как у писателя. «Поэма» была переведена на многие языки. Мало кто знал, что Макаренко-писатель и руководитель колонии – одно и то же лицо. Даже предположить, что две такие деятельные жизни слиты в одну, – было трудно.

То была очень интенсивная жизнь. Шестнадцать лет работы в колонии и коммуне почти без отпусков! Но кто знает, что отнимало больше сил: трудные дети – или соцвосовцы, как Макаренко называл работников образования. Когда он ушел в отдел колоний НКВД, из его коллектива коммуны стали яростно изгонять его дух. Система образования не могла простить педагогу его самостоятельности, независимости, неординарности. К тридцатому году, писал Макаренко, мы достигли полного педагогического счастья, был замечательный детский коллектив, работающий, творческий. Производство стало доходным, давали пять миллионов прибыли в год. Мы выпускали лучшее, что тогда было – фотоаппарат ФЭД, а также электродрели. Макаренко, заметим, и сегодня не стал бы мастерить табуретки.

«У меня было полное педагогическое счастье» – это написано в «Марше 1930-го года». По этому поводу литературный критик Ф. Левин писал: книга Макаренко это вторичный чай с двойной порцией сахара, педагогическая утопия, так не бывает. У критика встречались такие обороты: «добрый дядя Макаренко» пишет «сусальную сказку о том,

чего не могло быть, нет и не будет». Сам Антон Семёнович был внутренне готов увидеть рецензию в духе того времени «Так называемая «Педагогическая поэма»». К счастью, этого не случилось.

Воспитанники-коммунары сразу же после смерти Макаренко заступились за честь своего Антона (так они называли его между собой), ответив Ф. Левину открытым письмом (апрель 1939). В нём они заявляют, что они выросли в коммуне, как и сотни других, теперь полноценных граждан страны, что «беспризорные такие же советские дети, как и все, хотят нормальной счастливой жизни. И как раз вредно, очень вредно – это основная ошибка многих «педагогов» – искать в них какие-то «уродства», как это делаете Вы... при таком отношении к детям Вам не понять А.С. Макаренко».

В чем же суть педагогики Макаренко? Сам он утверждал: я не создавал никакой специальной педагогики для проблемных детей. Это обычные дети, оказавшиеся в тяжёлой ситуации. Но так считали не все. Во время войны опытом Макаренко заинтересовались... немцы. Согласно их ожиданиям, Украина и Белоруссия должны были капитулировать перед наступающими войсками. И оккупационные власти, желая лучше разобраться в психологии жителей захваченных территорий, обратились к оставшимся там профессиональным педагогам с намерением выяснить, кто и как занимался воспитанием советского человека.

Профессор Ващенко из полтавского учительского института взялся их просветить. Он говорил: самое великое и ценное, что я видел в жизни, это колония им. Максима Горького. Ващенко попытался сформулировать особенности педагогики Макаренко в своей аналитической записке, которая ушла в Берлин в 1942 году для изучения особенностей советского человека. После войны у немцев снова возник повод вникнуть в практику Макаренко. Военными психологами и историками было замечено: когда погибает немецкий командир, даже в острой ситуации подчинённые слишком долго принимают решение о его замене. У советских – гораздо быстрее находится лидер, который говорит: «Я беру на себя ответственность».

И третий толчок продвижения Макаренко на Запад. Советский немец Леонхард Фрёзе уже после войны и плена, в которой он сражался против фашизма, стал жить в Восточной Германии. Там «Педагогическая поэма» была издана в начале 50-х годов. Тайно несколько экземпляров удалось переправить в Западную Германию. Фрау, у которой Фрёзе снимал квартиру, испытывала трудности с воспитанием своего сына-подростка. «Читайте «Педагогическую поэму» – посоветовал он. «Но там, наверное, все коммунисты!» – «А вы замените коммунистическое воспитание на протестантское, а всё остальное также».

Бывшему пленному удалось заинтересовать идеями Макаренко не только свою квартирную хозяйку. В 1968 году на философском факуль-

тете Марбургского университета отрылась лаборатория «Макаренко-реферат». Её сотрудниками выполнено около 300 работ. Исследователи сумели обратиться архивы, куда нашим специалистам доступ был затруднён. Лаборатория «Макаренко-реферат» помогла нам избавиться от канонического, прилаженного образа Макаренко.

У нас в стране до настоящего времени вышло три собрания сочинений Макаренко. С последним связан особый сюжет. Почему у нас решились на издание собрания сочинений? Вовсе не из любви к Макаренко. Просто у немцев к 100-летию Макаренко в 1988 уже должен был выйти девятитомник. И тут опомнились: это же наш талант! За пять лет издали восьмитомное собрание сочинений, третье по счёту. К канонизации образа Макаренко приступили в 1941 году, а в России не любят то, что навязывают. Объявили его классиком, публиковали портреты в центральной печати и во многом «задушили в объятиях». Хотя надо сказать: волны подлинного интереса к наследию Макаренко сменялись прохладным официозом.

Международная и Российская макаренковская ассоциация совместно с редакцией журнала «Народное образование» с 2003 года проводит конкурс школ-хозяйств, опирающуюся на трудовые идеи Макаренко. В нём участвуют десятки образовательных учреждений – от западных границ до Дальнего Востока. Вот что говорят учителя одной из школ-победительниц: «Мы выжили только благодаря Макаренко. У нас на Белгородщине много спивающихся сел, дети – самая здоровая часть населения. Они отлично зарабатывают и приглядывают за пьющими родителями. Некоторые свои заработанные или купленные на заработок продукты держат в школе на складе. Сахар, например, домой несут по стаканчику, чтобы не было соблазна у родителей гнать самогон». Дети становятся воспитателями взрослых. Среди победителей этого года, например, челябинский колледж с 20 миллионами рублей прибыли!

Кажется, здесь всё просто и ясно. Но это простота, скрывающая огромную глубину, которую каждое поколение, так или иначе, переоткрывает для себя. В середине 60-х годов Арне Ролл (Норвегия) писал: «Теория Макаренко это своеобразная теория относительности в педагогике». Он же: «...Гениальность Макаренко так велика и его заслуги перед историей так грандиозны, что только новое поколение их оценит». Это обнадёживает!